

К ИЗУЧЕНИЮ КНИГИ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» КАК РОМАНА-ЭПОПЕИ

В. Переверзин

Художественный синтез, к которому тяготеет подлинное творчество, охватывает собой все его виды и формы. Изучение этого безгранично сложного явления представляет собой одну из самых трудных и фундаментальных проблем современного искусствознания. Без обращения к ней уже невозможно судить о закономерностях развития художественного творчества, эстетической природе тех или иных, возникающих в процессе взаимодействия жанровых и стилевых образований, их продуктивности и художественной ценности. Особенно актуально исследование «синтезийности» в искусстве слова, открывающим благодаря своим объективным свойствам, наиболее широкий простор для ее проявления в различных жанровых формах. И все же историческое развитие литературы позволяет выделить в ней форму, сфокусировавшую в себе как бы весь возможный спектр художественного синтеза, в которой само это явление выражено, таким образом, наиболее полно и где оно предстает как кардинальнейшая проблема художественного мира. Это, конечно, форма «нового большого эпоса» (М. Бахтин), ведущая свою родословную от «Войны и мира» Л. Толстого, и представляющая собой одну из столбовых линий развития литературы XX века. Действительно, именно «большая эпическая форма, (большой эпос), - как справедливо отмечает М. Бахтин, - должна давать целостную картину мира и жизни, должна отразить весь мир и всю жизнь»¹.

Как известно, подлинная суть новаторства русского писателя выявилась далеко не сразу. Одна из главных трудностей, как теперь уже очевидно, была в том, что Л. Толстой достиг в ней качественно нового уровня художественного синтеза, до которого ни сам он, ни вся русская и мировая литература и эстетическое сознание еще не поднялись. Длительный, почти полуторареховой процесс осмысления его творческой природы, активно продолжающийся в настоящее время, не без подсказки автора, закономерно вывел исследователей на собст-

¹ Бахтин, М. М.: Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. С. 224.

венно жанровый уровень и уже в наше время привел к определению «Войны и мира» как романа-эпопеи. Такова, по почти общепринятому мнению, типологически жанровая формула уникального художественного синтеза, впервые возникшего в искусстве слова в творчестве Л. Толстого.

Открытие нового жанра романа-эпопеи объективно способствовало утверждению тезиса М. Бахтина о жанрах, как «ведущих героях литературного процесса» и «великой реальности литературы»².

Это подтверждало также и правоту автора в неразрешимости однозначного жанрового определения его творения и вытекающую отсюда необходимость поиска его на путях исследования жанровой интеграции. Стало более очевидным также, что поиски точного жанрового определения «Войны и мира» - это «не игра в термины», а насущная задача, с решением которой связано более полное раскрытие значения того вклада, который писатель внес в развитие русской и мировой литературы.

Что же принципиально нового внесла концепция романа-эпопеи в интерпретацию «Войны и мира» как целесообразно организованной целостности, в дальнейшее осмысление природы достигнутого Л. Толстым художественного синтеза? Удалось ли с его помощью хоть как-то преодолеть сложившийся в изучении данной книги канон, в основе которого - «принятое в целом ряде работ условное расчленение целостного мира эпопеи на удобные для анализа участки или сферы». Ответить на этот вопрос необходимо, потому что, насколько нам известно, он еще не ставился в толстоведении, хотя понятие романа-эпопеи «работает» уже достаточное время, чтобы его, так сказать, «разрешающие способности» вполне появились. Наконец, именно генеологическое определение в соответствии с главной функцией жанра - «строить и завершать произведение как целое»³ - должно прежде всего способствовать его интерпретации как продуктивного типа целостности.

Как показывает анализ познавательной ситуации, говорить о продуктивности изучения «Войны и мира» как романа-эпопеи в собственном смысле слова, то есть как о произведении, равноправно сочетающем в себе «роман» и «эпопею», на наш взгляд, не приходится. В самом деле, есть ли такая работа, в которой исследователю или исследователям действительно удалось бы показать в «Войне и мире» не столько жанровую двойственность, сколько их, «романа» и «эпопеи», неразрывную взаимообогащающую, взаимнопроникающую связь, в процессе которой возникает не сумма смыслов, а новые смыслы,

² Бахтин, М. М.: Указ. соч. С. 345.

³ Медведев, П. Н.: Формальный метод в литературоведении. Л., Прибой, 1929. С. 175-176. Это широко известное ныне высказывание принадлежит, как убедительно утверждают С. Аверинцев и С. Бочаров, М. Бахтину.

качественно новое целостное внутренне единое жанровое образование, синтетическая природа которого, своего рода романная эпическая, - угадывалась бы в каждой клетке художественной ткани? В толстоведении такого исследования нет, как нет и коллективной работы на данную тему⁴. А что же есть? Есть дискуссия о наличии в «Войне и мире» романских и эпических начал, их сущности, удельном весе и характере взаимодействия. Она возникла в отечественной критике сразу после выхода произведения в свет и стало своего рода «вечным» вопросом в толстоведении. Признавая, что «Война и мир» как роман-эпопея «в смысле художественного совершенства в этом жанре... остается в значительной степени мерилом истинного искусства»⁵, исследователи в основном сосредоточивают свое внимание то на романских, то на эпических началах. Так, автор одной из последних монографий, где жанровый анализ книги Л. Толстого занимает одно из главных мест, исследует главным образом ее «романский инструментарий», полагая, что раннее внимание исследователей было сосредоточено «на специфически эпических чертах»⁶. Автор другой работы, находя в «Войне и мире» все признаки романа, углубляется, напротив, в ее эпическую природу⁷. Есть и работа, в которой интерес автора сосредоточен на уяснении «роли нравоописания» в «Войне и мире», а романские и эпические черты прослеживаются поскольку постольку⁸. При этом нередко бывает и так, что в одной работе та или иная черта рассматривается как эпическая, в другой она же выступает уже как романская. Так, например, если один автор считает равнопра-

⁴ Не является таковой и книга А. В. Чечерина «Возникновение романа-эпопеи» (М., Советский писатель, 1957), в которой автор, выступивший с инициативой обоснования нового жанра, видит его жанровую доминанту в стремлении «захватить все». Однако «романист, который поставил бы своей целью показать все, не показал бы ничего, кроме своего полнейшего непонимания законов художественного познания». (Горский И. К. Исторический роман Селкевича. М., Наука, 1966. С. 299)

⁵ Чечерин, А. В.: Указ. соч. С. 21.

⁶ Соболенко, В.: Жанр романа-эпопеи (Опыт сравнительного анализа «Войны и мира» Л. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). М., Художественная литература. С. 7. Но в целом, как и многие другие, он также уверен, что «Война и мир» как художественная структура сложилась на пересечении двух типов художественного мышления - эпического и романского». (там же. С. 7) «К романской стороне книги», - обращается и О. В. Сливичкая, полагая при этом, что в «Войне и мире» романское и эпическое (эпическое - В. П.) - это не две грани, которые механически объединены, а два начала, которые живут в одном организме». (Сливичкая, О. В.: «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблемы человеческого общения. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1988, С. 18).

⁷ Бекетин, В. П.: Современные советские исследования об эпопее. Русская литература, 1976. №1. С. 225.

⁸ Чернец, Л. В.: Литературные жанры. М., Изд-во МГУ, 1982. С. 165.

вие центральных персонажей в «Войне и мире» яркой чертой эпической мысли и эпической композиции⁹, то для другого - это несомненный признак романного мышления Л. Толстого и романной природы его книги¹⁰.

Примеры преимущественного проявления интереса ученых к той или другой жанровой тенденции, а также противоположной жанровой трактовки одних и тех же особенностей формы и содержания книги Л. Толстого можно легко увеличить, но в этом, думается, уже нет необходимости.

Разумеется, каждый волен избрать свой аспект анализа. Но при таком избирательном подходе очень трудно сказать что-либо определенное о «Войне и мире» как явлении жанрового синтеза, в котором, как априори утверждают исследователи, «романные и эпические начала проникают в друг друга, и каждое, испытывая воздействие друг друга, существенно преобразуется»¹¹. Сама же эта проблема здесь, как видим даже не стоит. Более того, среди исследователей «Войны и мира» как романа-эпопеи широкое распространение получил тезис о экстенсивном характере сочетания «романа» и «эпопеи», всходящий к известному определению книги Л. Толстого И. Тургеневым как произведения синкретического, соединившего в себе три повествовательных жанра - «эпопею, исторический роман и очерк нравов». Но последний, думается, не говоря уж об авторе, вряд ли согласился бы с положением, в соответствии с которым «Черточка между словами роман и эпопея точно соответствует содержательной и композиционной двуплавности "Войны и мира"»¹². Сделанные в другой работе уточнения, что «первые два тома "Войны и мира" - это преимущественно нравописание и роман»¹³, а «начиная с третьего тома "роман" в "Войне и мире" перерос в эпопею»¹⁴, уверен, также не были бы ими поддержаны. Но это еще не все. Оказывается, «Война и мир» как роман не имеет свою кульминацию, подобно тому, как ее имеет «Война и мир» как эпопея¹⁵. Что касается стоящих в центре

⁹ *Трофимов, В. М.*: Жизнь Климата Самгила (жанр, сюжет, композиция, герои). Волгоград, 1984. С. 13.

¹⁰ *Соболенко, В. М.*: Указ. соч. С. 24.

¹¹ *Сливцакая, О. В.*: Указ. соч. С. 18.

¹² *Ившинский, П. И.*: Эпопея: исторические формы жанра. Люблин (Польша), 1980. С. 216.

¹³ *Чернец, Л. В.*: Указ. соч. С. 170.

¹⁴ *Сабуров, А. А.*: Война и мир. Проблематика и поэтика. М., Изд-во МГУ, 1960. С. 267.

¹⁵ *Сабуров, А. А.*: Указ. соч. С. 284.

лиц, то они также «из героев "романа" становятся героями "эпопей"»¹⁶.

Конечно не может быть и речи о каком-то раздельном, неханическом соединении в «Войне и мире» «романа» и «эпопей», что она может быть составлена из «героической эпопей» и «романа». Очевидно это и для самих авторов приведенных высказываний. Но нельзя не признавать и следующее: подобный подход к жанровому анализу «Войны и мира» как романа-эпопей объективно ориентирует на то, чтобы рассматривать «замысел характеров» и «замысел исторический» как воплощенные в двух, пусть относительно, но все-таки самостоятельных пластах произведений, одни из которых как бы соответствуют роману, другой - эпопее, с чем никак нельзя согласиться.

Итак, на словах декларируются наличие в книге Л. Толстого как романе-эпопее «процесса сильного и своеобразного взаимодействия эпопейного момента и романического начала... как кординальной проблемы нового эпического жанра»¹⁷. На деле же упор делается, как правило, на анализе или собственно романских или специфически эпопейных особенностях, в зависимости от степени их изученности и важности в произведении. При этом, как уже отмечалось, в трактовке тех и других черт среди исследователей наблюдаются существенные расхождения.

Что следует из сказанного? Чем можно объяснить парадоксальную ситуацию, при которой жанровый анализ «работает» на идею, прямо противоположную его основной функции - собирать произведения в целое через уяснение цельности?

На наш взгляд, дело прежде всего в неэффективности жанровой формулы «Вийны и мира» как романа-эпопей в собственном, а не условном значении данного понятия. Как теперь уже очевидно, она и не могла быть продуктивной, потому что неистинной, ложной является сама идея романа-эпопей как синтетически жанра, равноправно сочетающего в себе «роман» и «эпопею». Потверждение этому - его жанровый статус в современном литературоведении. Несмотря на огромное количество посвященных ему работ, представления о нем сегодня таковы, что он остается для многих туманным и неопределенным, вызывает оправданный скепсис, а нередко и отказ, даже протест против самого термина, а значит и жанра. Иначе говоря, само существование жанра, в котором «роман» и «эпопея» находились бы в равноправном сочетании и взаимнообогащали друг друга продолжает быть не более чем литературоведческой гипотезой, от которой пора уже отказаться, а не тратить бесплодно усилия для превращения ее

¹⁶ Сабуров, А. А.: Указ. соч. С. 286.

¹⁷ Трофимов, В. М.: Жанровая структура эпопей. Сб.: Проблемы реализма. Вологда, Вып. 4, 1977. С. 53.

в аксиому. Конечно, речь идет не о термине, который уже прочно утвердился за «Войной и миром» и целым рядом других произведений, а о его наполнении научно не обоснованным и исторически не оправданным содержанием.

Надо ли напоминать, что данная концепция могла возникнуть только в литературоведении соцреалистического толка, и только в условиях «беспощадной эпизации» нашей общественной жизни... насильственного внедрения в нее эпического начала»¹⁸. В действительности, конечно, не было никакого повторения «века героев», «эпического состояния мира», а значит не было и «почвы» для перерастания романа в роман-эпopeю или так называемую социалистическую эпopeю как самостоятельного наряду с романом жанра. Таким образом, с точки зрения классической теории эпоса не могло быть и романа-эпоса как «равноправного сочетания "романа" и "эпоса"». А что же все-таки было? Как справедливо отмечает современный исследователь «... с конца 20-х годов и до середины 80-х было временем последовательного и целенаправленного искоренения из общественного сознания именно романного мышления»¹⁹. В итоге подлинно романские произведения, возникшие за этот период, можно сосчитать на пальцах одной руки, а псевдоэпических многотомных созданий, именуемых эпopeями или романами-эпopeями, несть числа. Так обстояли дела в русской литературе советской эпохи. Что касается русской литературы прошлого века, то как убедительно показано в работах последних лет, вся ее история «пронизана борьбой за роман», который «слагался» в «сложнейшем диалоге с эпосом»²⁰. Стало быть, не о каком равноправном сочетании и взаимодействии романа и эпоса как типов художественного мышления не может быть и речи. Что после работ М. Бахтина как-то неудобно это объяснять.

Правда, есть мнение, что примирение эпоса с романом в русской литературе прошлого века однажды все-таки произошло, и именно в «Войне и мире». Конечно, можно согласиться, что «Война и мир» представляет собой «уникальный случай реконструкции в XIX веке эпических воззрений на бытие»²¹. Но нельзя также не видеть и того, что произошло это только на основе беспрецедентной по глубине и масштабности романизации как самого прошлого, так и принципов его художественного воплощения. Как очень точно сказано: «Воистин-

¹⁸ Турбин, В. Н.: Восприятие и интерпретация Лермонтовым жанровой структуры романа Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9 Филология. 1989. №5. С. 21.

¹⁹ Турбин, В. Н.: Указ. соч. С. 18.

²⁰ Турбин, В. Н.: Указ. соч. С. 21.

²¹ Турбин, В. Н.: Указ. соч. С. 21.

ну об "эпическом", "гомеровском" у Толстого (даже у него!) можно говорить лишь условно. А безусловно он - "романист новейшего времени"²².

Разумеется, это не значит, что нужно отказаться или радикально пересмотреть известное определение «книги о прошлом» как «эпопеи в современных формах искусства»²³. Необходимо только найти понятное определение тому, что стоит за словами «современные формы искусства». Точнее будет даже сказать не найти, а более полно и убедительно обосновать определение «Войны и мира» как романтической или романной эпопеи. Задача эта, как показывают попытки ее решения - одна из самых сложных и трудных. И все же можно утверждать, что речь идет о более продуктивной для дальнейшего осмысления художественного синтеза жанровой формуле «Войны и мира». Нежели такие, как психологическая эпопея, национально-историческая эпопея, народно-героическая эпопея или роман-поток, роман-история, социально-универсальный, философско-исторический, эпический роман. И тем не менее их функционирование представляется в той или иной степени оправданным, опирается на текст и, следовательно, способствуют его изучению. Это трудно сказать о понятии романа-эпопеи, включая его интерпретацию как синтетического объединения внутрижанровых разновидностей романа. Практика ее реализации как на материале шедевра Л. Толстого, так и многих других произведений большого эпоса не позволяет признать данный подход продуктивным. В самом деле, разных видов романа в структуре больших эпических произведений можно увидеть (и видят!) при желании много. Но нельзя не заметить, что выделение все новых и новых «синтезируемых» элементов ведет лишь к дроблению и расчленению единого организма, не приводя в итоге, к ясному пониманию принципов организации целого. А именно последнее и представляет собой конечную цель жанрового анализа.

В заключении еще раз подчеркнем: Концепция художественного синтеза в «Войне и мире» как равноправного сочетания романских и эпопейных жанровых начал не выдержала проверки времени и в конце XX века становится препятствием на пути дальнейшего изучения как главной русской книги, так и "нового большого эпоса" в русской и мировой литературе XX века.

²² *Затонский, Д. В.*: Искусство романа и XX век. М., Художественная литература, 1973. С. 271. Что касается проблемы романизации повествования «в новом большом эпосе», то она закономерно вытекает из наиболее продуктивной идеи М. Бахтина о романизации жанров, концептуально обоснованной в ряде его работ о романе и прежде всего в классическом исследовании «Эпос и роман».

²³ *Страхов, Н. Н.*: Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. Спб., 1987. С. 348. (Курсив мой - В. П.).